

Оленеводство коми-ижемцев Северного Зауралья (вторая половина XIX — начало XX в.)

Н. А. Повод

Одним из основных занятий коми-ижемцев Печорского края было оленеводство, заимствованное ими у европейских ненцев. По данным В. Иславина, первые стада оленей у коми появились в 1649 г., и сначала ижемцы передавали своих оленей на выпас наемным ненецким пастухам [Иславин, 1847. С. 20]. Уже к началу XVIII в. у ижемцев появились навыки отгонного тундрового оленеводства, некоторые оленеводы стали выходить со своими стадами в Большеземельскую тундру [Лашук, 1972. С. 164, 166]. К концу XVIII в. оленеводство коми-ижемцев приняло характер крупнотабунного, богатые семьи владели стадами от 1500 до 2000 оленей, средние — 500–700, малоимущие — 10–30 [Лепехин, 1814. С. 242]. К середине XIX в. оленеводство стало ведущей отраслью хозяйства и главным «источником народного продовольствия» на Ижме [Истомин, 1865. С. 135]. Отмечается резкий рост поголовья оленьих стад: с конца XVIII до середины XIX в. поголовье оленей у ижемцев увеличилось в 10–12 раз — с 10 до 120 тысяч голов [Дунин-Горкавич, 1995. С. 125; Соловьев, 1989. С. 267]. К 1876 г. их численность достигла 138 112, а к 1882 г. — 194 650 голов [Конаков, Котов, 1991. С. 46]. На 1.01.1896 г. из общего поголовья оленей в Печорском уезде ижемцам принадлежало 194 120 голов, т. е. 70 % [Дунин-Горкавич, 1995. С. 120].

Оленеводческий комплекс коми-ижемцев имел много сходных черт с ненецким: производственная терминология, годовой хозяйственный цикл, предметы, связанные с кочевым бытом (жилище, одежда, транспорт и пр.) [Козьмин, 1990. С. 76–79]. Вместе с тем ижемское оленеводство имело ярко выраженный товарный характер, что определяло цель разведения оленей и обусловило формирование его особенностей [Жеребцов Л. Н., 1974. С. 13–14; Козьмин, 1990. С. 74; Хомич, 1976. С. 146]. Ежегодно изымалось около 20 % стада, большая часть продуктов оленеводства продавалась. Ижемцы рационализировали оленеводческую систему, технологически улучшили, заметно повысив ее продуктивность [Жеребцов Л. Н., 1982. С. 165–166; Хомич, 1984. С. 28]. Усовершенствования касались изменения сроков и маршрутов выпаса, условий отела и забоя, повышения сохранности стада, введения селекционных мероприятий, оптимизации размеров и половозрастной структуры стада [Житков, 1913. С. 256; Истомин К. В., 2002; Хомич, 1986. С. 20–21; Ямал..., 1995. С. 153, 176].

Увеличение общего поголовья ижемских оленьих стад в XIX в. вынуждало расширять площади кочевья [Помишин, 1990. С. 106]. Ижемцы в Коми крае для выпаса оленей занимали юго-восточную часть Большеземельской тундры, которая представляла собой лесистую часть по реке Усе и ее притокам [Кастрен, 1999. С. 194–195]. Она оптимально подходила для выпаса оленей в зимнее время, так как леса защищали от сильных выюг и метелей; с приближением лета коми перегоняли свои стада на прохладные безлесные тундры, с которых возвращались домой только осенью [Там же. С. 195]. Территория оленеводческого хозяйства коми в бассейне средней Печоры и Усы расширялась в северо-западном направлении — к Канинскому и Кольскому полуостровам и в северо-восточном направлении — к Уралу и за Урал [Помишин, 1990. С. 76]. Переселения оленеводов были обусловлены наличием на этих площадях свободных земель и хороших ягельников.

Первоначально ижемские оленеводы переходили на восточные склоны Урала со стадами оленей только на летний период, возвращаясь на зиму в район Ижмы [Конаков, Котов, 1991. С. 49]. С начала 20-х гг. XIX в. ижемцы приезжали для ведения торговли в Березовский край, прежде всего на Обдорскую ярмарку [ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 42. Л. 1–1об.]. С конца 1830-х гг. переселения становятся систематическими [Повод, 2002. С. 175–179]. По данным метрических книг конца 1830 — начала 1860-х гг., в Березовском крае отмечается большое количество регулярных записей коми фамилий. Эти факты свидетельствуют о распространении сезонных миграций и оседании отдельных ижемских семей на территории севера Тобольской губернии.

Миграционные процессы коми-ижемцев за Урал были вызваны резким увеличением численности и перенаселенностью Ижмо-Печорского региона [Жеребцов И. Л., 1998. С. 102, 111, 149]. Л. Н. Жеребцов считает, что движущей силой переселенческих процессов были бедность и разорение местных жителей [1982. С. 165]. Кроме того, потребность расширения пастбищных угодий и необходимость включения в систему коммуникативных связей Урала и Сибири также способствовали углублению переселенческого движения. В середине XIX в. основным центром формирования диаспоры зауральских коми-ижемцев в Березовском крае было с. Мужы; начинали складываться локальные группы в с. Обдорске, г. Березове и в бассейне р. Ляпин (с центром в с. Саранпауль). Поселенческая структура коми середины XIX — конца XIX в. во многом была обусловлена торговым значением населенных пунктов и их географическим положением, определявшимся размещением на важнейших путях сообщения между Северо-Западной Сибирью и Архангельской губернией

[Повод, 2003]. Основная часть переселенцев проживала оседло в стационарных населенных пунктах, помимо того выделялись группы коми оленеводов, которые вели кочевой образ жизни.

У ижемских переселенцев в Зауралье оленеводство оставалось одной из ведущих отраслей хозяйства и «главным источником питания» [Алквист, 1999. С. 105–106]. Пастбищные угодья коми арендовали у местного коренного населения (у вотчинных владельцев), уплачивая ежегодный «покопытный» сбор, или пользовались ими самовольно и бесплатно [Гондатти, 2000. С. 118]. Это было связано с тем, что аренда пастбищных угодий у какого-либо инородческого общества, по условиям техники оленеводства, позволяла прохождение со стадами по всей тундре — от берегов Ледовитого океана до верховьев Полуя [Бартенев, 1998. С. 144]. Размеры «покопытного» сбора в разных инородческих обществах отличались от 1 до 10 коп. за одного оленя, отмечалась тенденция к его росту, в конце XIX в. сбор возрос до 20 коп., т. е. расходы по выпасу оленьего стада в 500 голов доходили до 100 руб. [Дунин-Горкавич, 1996. С. 114; Бартенев, 1998. С. 144].

Коми оленеводы постепенно осваивали территории тундры и лесотундры Северного Зауралья. К концу XIX в. у ижемцев-олeneводоB Березовского края сложилась постоянная система кочевания в виде сезонных миграций в широтных направлениях. Коми-ижемцы, проживавшие в пределах Ляпинской и Куноватской волостей, летние месяцы проводили со своими стадами на Урале, за Уралом их кочевья располагались по р. Уса [Воропай, 1900а. С. 29]. В сентябре-октябре переходили на место зимовки. Большая часть оленеводов оставалась на зимовку с ноября по март между реками Ляпин и Сыня; часть направлялась в бассейн Сыни и к Оби, переходили ее в октябре или ноябре, доходили на востоке до вершины р. Полуй, в некоторых случаях — до р. Надым и дальше, обратный переход начинался в марте [Дунин-Горкавич, 1995. С. 120; 1996. С. 112; Козьмин, 1990. С. 73–83].

В начале 1890-х гг. в районе Обдорска кочевало 20–25 ижемских чумов [Бартенев, 1998. С. 136]. По данным переписи 1897 г., в Куноватской волости было зарегистрировано 14 хозяйств с 72 коми-ижемцами, живущими в чумах, в Ляпинской волости — 31 хозяйство и 144 оленевода, в Обдорской Самоедской волости — 2 хозяйства с 14 коми, в Подгородной волости — 7 хозяйств и 35 коми, в Сосвинской волости — 40 коми, живущих в 6 чумах [Патканов, 1911. С. 26–27, 32–40]. В 1903 г. в Ляпинской волости насчитывалось до 20 ижемских чумов, которые с ноября до марта кочевали между юртами Межипаульскими и Ляпинской пристанью Сибирякова с 20–30 тысячами голов оленей; в Сосьвинской волости количество коми оленеводов было ограниченным, поэтому волость была не так «наводнена» их стадами оленей [Дунин-Горкавич, 1995. С. 104–105]. Таким образом, в конце XIX — начале XX в. оленеводство коми-ижемцев было распространено на широкой территории Березовского уезда, хотя в большей степени использовались площади Куноватской и Ляпинской волостей.

О численности поголовья оленей у коми в Березовском крае точных сведений нет. Н. А. Абрамов пишет, что в 1840-х гг. в Обдорском отделении Березовского округа (т. е. в Обдорской и Куноватской волостях) насчитывалось до 125 000 голов оленей, а в целом в Березовском округе в 1847 г. поголовье домашних оленей достигало 150 000 голов [Абрамов, 1993. С. 43–44, 51]. По данным Д. Юрьева, в 1848 г. количество оленей, принадлежавших остякам и русским промышленникам в Березовском крае, едва ли достигало 50 000 голов; а ижемцев он характеризовал как «богатых оленеводов» [Юрьев, 1852. С. 290]. По данным Тобольской администрации, до 1848 г. поголовье оленей на севере губернии насчитывало 400 000 оленей, в 1860 г. — 300 000 оленей, из них более 200 000 принадлежало самоедам, остальные — коми [Ямал..., 1995. С. 152]. В то же время, по данным Тобольского статистического комитета, в 1847 г. поголовье оленей в целом составляло 150 000 голов [Там же]. В 1880-х гг. в Тобольской губернии зафиксирован большой прирост общего поголовья оленей — от 125 565 оленей в 1882 г. до 247 888 в 1888 г. Это явление Н. Д. Конаков и О. В. Котов связывают с притоком ижемцев, занимающихся крупнотабунным оленеводством [1991. С. 78]. Увеличение поголовья оленьих стад в Березовском крае совпадает с пиком миграционной активности ижемцев 1880-х гг. в пределах Сосьвинско-Ляпинского бассейна. В 1891 г., по данным Тобольского губернского статистического комитета, в Березовском уезде было зафиксировано 243 790 домашних оленей [ГУТОГАТ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 27. Л. 198]. Б. М. Житков сообщал, что в 1908 г. общее число оленей по Березовскому уезду достигало 436 000 голов, из них 271 000 оленей, вероятно, принадлежала местным жителям [Житков, 1913. С. 253]. Эти данные вызывали у него сомнения, так как «трудность подсчета в Тобольской губернии гораздо значительнее, чем, например, в Архангельской, и большой процент оленей может быть не зарегистрирован» [Там же. С. 254]. В первое десятилетие XX в. количество оленей в Березовском уезде в целом, достигнув максимума роста поголовья, стабилизировалось в пределах 434–458 тыс. голов [Конаков, Котов, 1991. С. 78]. В середине 1920-х гг. на Тобольском Севере было зафиксировано 496 коми-зырянских оленеводческих хозяйств, поголовье оленей у них достигало более 69 900 голов, что составляло 20,37 % от общего поголовья оленей [ГУТОГАТ. Ф. 695. Оп. 1. Д. 107. Л. 75–76]. Данные о количестве домашних оленей в Березовском крае очень противоречивы, что объясняется сложностью подсчета оленьих стад, выпасавшихся на значительных расстояниях друг от друга, и нежелании хозяев показывать размеры поголовья.

А. А. Дунин-Горкавич приводит данные А. П. Энгельгардта о том, что в Печорском крае коми-зыряне в конце XIX в. больших стад не держали; так, в 1892 г. стад в одну-две тысячи голов было немного, а стадом в четыре тысячи голов владело только одно семейство [Дунин-Горкавич, 1996. С. 113–114]. Нормальным считалось стадо в 500 голов, за которым мог досмотреть один пастух [Там же]. С большим стадом, требующим за собой значительного надзора, кочевать было очень трудно: для него не везде находилось в одном месте достаточное количество корма; кроме того, в случае эпизоотий соответственно размерам стада

увеличивались и потери [Там же]. В то же время известно, что громадные стада коми-ижемских оленей длительное время находились на одном пастбище, что вело к полному исчезновению ягеля и вытаптыванию оленями тундры [Дунин-Горкавич, 1995. С. 125]. Это вызывало недовольство коренных жителей. К примеру, самоеды обдорского участка жаловались, что громадные стада ижемцев подолгу застаиваются на одном месте и не только выедают весь ягель, но и вытаптывают место так, что оно походит на вспаханное поле [Бартенев, 1998. С. 142].

С. Б. Помишин считает, что по мере освоения новых мест на территории Зауралья у коми-ижемцев постепенно стала практиковаться система выпаса оленей крупными (обычно около 2 тыс. голов) стадами. Эта система обладала значительными достоинствами: стадо выпасалось на определенной территории, которая менялась по мере расходов запаса ягельника, 10–12 пастухов с хорошо обученными оленегонными собаками способны были обеспечить непрерывный надзор и защиту от хищников, провести необходимые ветеринарно-зоотехнические операции [Помишин, 1990. С. 37]. Кочевать со стадом, насчитывающим менее 300 голов, было трудно, так как количество ездовых оленей в таком стаде было ограничено, их приходилось часто запрягать при перекочевках, и они быстро худели и слабели [Воропай, 1901б. С. 71].

Оленьим стадом обычно владела одна семья, состоявшая из двух-трех поколений. Олени передавались по наследству сыновьям, их использовали также в качестве выкупа за невесту [ГМА, Березовский район, 1991]. В начале XX в. у богатых оленеводов Ляпинской волости поголовье оленей достигало 2000–3000 голов, в большинстве семей было от 100 до 400 оленей. [ГМА, Березовский район, 1991]. Т. А. Филиппов рассказывал, что у его отца-оленевода (1888 г. р.), жителя с. Саранпауль, было стадо численностью 250 голов, а у деда — более 3000 [Там же]. В 1926 г. в с. Мужы только два коми оленевода имели поголовье оленей более двух тысяч, семь оленеводов — от одной до двух тысяч, шесть — до одной тысячи оленей [Старцев, 1926. С. 47]. Иногда две-три семьи с небольшими стадами объединялись для большего удобства при перекочевке [ГМА, Шурышкарский район, 1992]. Оседлые коми-ижемцы, имевшие от двух до двадцати оленей, отдавали их на выпас в большие стада за плату по договору и при необходимости забирали нужное количество оленей [ГМА, Березовский район, 1991]. По данным И. М. Воропая, в конце XIX в. большие стада паслись отдельно, а владельцы небольших стад отдавали своих оленей для выпаса, за что уплачивали по 30 коп. с головы [Воропай, 1901б. С. 71]. К примеру, у оленевода С. Е. Попова, кочевавшего в 1860-х гг. в зимнее время в районе Обдорска, поголовье собственных оленей достигало тысячи, и еще было столько же чужих оленей, которых он выпасал. Вместе с ним кочевали Я. Истомин, Е. Семьяшкин и Я. Семьяшкин, у которых было около 800 оленей, т. е. в целом стадо составляло около 3000 голов [ГУТОГАТ. Ф. 156. Оп. 25. Д. 391. Л. 10–10об.].

Производственный цикл начинался с марта, когда оленеводы готовились к переходу на летние пастбища. Для обозначения принадлежности оленей какому-либо владельцу ставили клейма на ушах годовалых телят, для этого весной вырезали кусочек кожи разной конфигурации в определенной части уха; такая личная метка у коми называлась *золаз* [ГМА, Березовский район, 1991]. Урал старались перейти, пока нет ветра, так как с ветром переход становился очень опасным [Воропай, 1901а. С. 107]. Расстояние до мест летнего выпаса, по сравнению с ненецкими маршрутами, было небольшим — до 800 км [Дунин-Горкавич, 1995. С. 167]. Туда старались прийти в мае — июне, поэтому сроки перекочевки были сдвинуты на апрель — май [Козьмин, 1990. С. 75]. Оленеводы с. Саранпауль начинали переход к Уральским горам в мае, когда снег почти стаивал, перекочевка занимала обычно один день [ГМА, Березовский район, 1991 г.] С Урала оленеводы возвращались в Саранпауль в октябре [Михайлов, 1898]. Начало перекочевки оленеводов с. Мужы приходилось на апрель, они откочевывали со стадами за Урал, по пути к Ледовитому океану. Переходы оленеводов через Уральские горы были у вершин Халмерью, Порью, Народа, у речки Щугор, у перевала Силамью [ГМА, Березовский район, 1991]. Практика более поздних, чем у ненцев, переходов у ижемцев была связана с желанием вести оленей по прошлогодней траве, чтобы перед началом сезона гнуса животные были хорошо подкормлены и имели прослойку сала [Хомич, 1986. С. 20–21]. Весной, если снег покрывался ледяной коркой, пастухи помогали оленям добывать корм [ГМА, Березовский район, 1991].

Пастбищные угодья были распределены по семьям, каждый оленевод имел определенный маршрут и сроки перекочевки. Чтобы предотвратить смешение оленей при перекочевке в лесотундровой зоне, каждый хозяин перегонял стадо отдельно, к примеру, в районе Обдорска и Куновата выделялись маршруты кочевий: у ненцев *ур ёх юш* («ненецкая дорога»), у коми — *саран ёх юш* («зырянская дорога»), у хантов — *ханты ёх юш* [Мартынова, 1998. С. 114]. Для этого в лесу прорубали параллельные просеки на расстоянии 4–6 км одна от другой; всего их могло насчитываться до десяти [Дунин-Горкавич, 1995. С. 104].

Отел оленей происходил во время перекочевки, стадо заблаговременно останавливали, чтобы меньше было потерь [Козьмин, 1990. С. 75]. Ветеринарную помощь важенкам при отеле оказывали только в исключительных случаях, но следили за новорожденными телятами, так как они часто погибали из-за ушибов и падений [ГМА, Березовский район, 1991].

В мае–июне приходили на места летних пастбищ. Их выбор определялся наличием кормовой базы территории и возможностями профилактики гнуса. Оленей нужно было защищать от оводов, слепней и прочих кровососущих. В этот период очень уязвимой становилась шкура оленя, в которой оводы откладывали личинки. Из-за свищей на шкуре образовывались отверстия, и забой нельзя было производить до конца августа [Козлов, 1903. С. 344]. Профилактикой этого было наличие хорошей прослойки сала у оленя, в которой личинки не выживали [Хомич, 1986. С. 20–21].

При выпасе оленей необходимо было защищать их от волков, рысей, росомых, на маленьких телят могли нападать лисицы, сороки. Окарауливание проводили с помощью оленегонной собаки лайки, на каждого

пастуха приходилось по две собаки. Летом пастухи обходили стадо пешком, зимой ездили на оленьей упряжке. В лесной зоне для оленей устраивали дымокуры [ГМА, Березовский район, 1991]. Помощниками у ижемских оленеводов были самоеды, которые считались лучшими пастухами [Бартенев, 1998. С. 136; Скалозубов, 1998. С. 368]. В 1906 г. за летний пастбищный сезон в Березове наемный пастух получал по 60 коп. с головы [Скалозубов, 1998. С. 368].

В сентябре проходил гон оленей. Перед началом брачного периода им старались отпилить рога, чтобы они не ломались во время драк, и проводили кастрацию забракованных и старых (после 3–5 лет) оленей [ГМА, Березовский район, 1991]. Рога отпиливали у хоров и быков, чтобы хоры во время течки в драке не увечили друг друга, а у быков — чтобы не путались рогами во время бега в упряжке. Рога убирали до самого основания, для остановки кровотечения остаток рогов туго перевязывали шнурком [Воропай, 1900б. С. 121]. Часто ижемцы обрезали растущие рога у оленей, назначенных на убой, так как «безрогие олени быстрее отъедаются и делаются жирнее» [Житков, 1913. С. 261]. Практика отпиливания рогов была характерна только для коми-ижемцев, «самоеды обыкновенно возражали против такого приема, отчасти из эстетических побуждений..., отчасти, что по рогам легче узнавать оленей...» [Там же].

Перед началом гона проводили также кастрацию. Эту операцию производил сам хозяин или работники, у которых «легкая рука» [Воропай, 1900в. С. 120]. И. М. Воропай описал два способа проведения кастрации [Там же]. Намеченного оленя ловили арканом, укладывали на землю и связывали две ноги с одной стороны, потом один человек садился верхом на лежащего оленя и крепко держал поднятую заднюю свободную ногу, а другой ложился около зада оленя, ощупывал пальцами ядро, делал маленький надрез, выдавливал ядра наружу и по очереди отрезал ножом. Через три дня оленя можно было запрягать. Упрощенный способ кастрации — ядра крепко прижимали пальцами и «без церемоний раздавливали их зубами, после чего через три дня наружная кожа разбалывается и ядра выпадают сами» [Там же]. После операции оленей нельзя было допускать к воде, так как намоченная рана заживала нескоро. Кастрированных быков впоследствии использовали в качестве ездовых, либо забивали на мясо [ГМА, Березовский район, 1991].

Забой оленей производили с целью получения мяса и шкуры, обычно это происходило в сентябре-октябре [ГУТОГАТ. Ф. 152. Оп. 40. Д. 341. Л. 27–27об.; Дунин-Горкавич, 1995. С. 123]. Для забоя огораживали небольшой участок. Оленей забивали ударом топора по позвоночнику, затылку, либо использовали нож или ружье [ГМА, Березовский район, 1991]. Забивали преимущественно однолеток, у которых шкура имела лучшее качество. В Мужах телят били 1 октября, из них получалась крупная пешка, из которой шили гуси, малицы, она шла также на замшу, так как в ней не было свищей [Скалозубов, 1998. С. 373]. Ежегодно происходило изъятие около 20 % стада, в том числе маленьких телят [Дунин-Горкавич, 1996. С. 114]. Кроме осеннего забоя у коми оленеводов, в отличие от самоедов, существовал и летний забой оленей для получения так называемого «выростка» (телячьих шкур, идущих на изготовление замши 1-го сорта) и соленого мяса [ГУТОГАТ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 638. Л. 16об.].

Большую опасность представляли вспышки инфекционных заболеваний у оленей. В случае больших эпизоотий можно было потерять все стадо. Особенно опасной считалась «чума», которая за двое-трое суток губила все стадо. Эта болезнь случалась только летом на Урале, в тундре ее не было; по мнению оленеводов, она возникала от «плохой росы» [Козлов, 1903. С. 344]. Другой опасной болезнью считалась копытка, которая проявлялась в виде «ран и пузырей на ногах», к ее излечению не было никаких средств [ГМА, Березовский район, 1991]. Настоящим бедствием была сибирская язва, эпизоотии которой происходили систематически, так как многие пастбища были заражены вследствие бывших ранее падежей. Сильная жара или иные причины периодически вызывали вирулентный подъем, при этом большая часть животных погибала, часть получала иммунитет, но после смены состава оленей в стадах снова развивалась эпизоотия [Житков, 1913. С. 291]. По данным дендрохронологии, в низовьях Оби определяются аномально теплые годы, которые были благоприятны для распространения патогенов, в частности, на череду теплых лет на Ямале приходились эпизоотии сибирской язвы у оленей (1908–1911, 1920-е гг. и др.). Нередко аномально теплые годы следовали один за другим, что усиливало влияние связанных с ними негативных процессов [Арефьев, 2001. С. 104–105].

В 1848 г. на Урале была вспышка сибирской язвы, в результате которой случился массовый падеж оленей, погибло около 20 000 голов [Юрьев, 1852. С. 290, 291, 348]. Коми оленеводы для защиты оставшихся оленей от заражения уходили с территории, примыкавшей к Уральским горам, в район с. Кушеват. В 1848 г., по данным метрических книг Кушеватской церкви, зафиксирован наплыв ижемцев, отмеченных ранее в приходе Мужевской церкви [ГУТОГАТ. Ф. 156. Оп. 20. Д. 752. Л. 319об.–322, 328об.–330, 333об.–334, 338об.–341об.]. В 1853 г. отмечалась эпизоотия в районе Урала [Туров, 2003. С. 240]. Значительные ущербы принесли массовые падежи оленей в 1865 и 1872 гг., когда погибло 50 000 и 23 000 голов соответственно [Ямал..., 1995. С. 155].

В 1895–1896 гг. был чрезвычайно сильный падеж оленей в результате копытной болезни в Приуральской тундре по рекам Сосьва, Ляпин, Щекурья [Н. С., 1896]. Копытка появлялась периодически, через каждые 3–5 лет, но эта эпизоотия нанесла наибольший урон: погибло около 100 000 животных [Н. С., 1896; Внутренние известия 1897; Туров, 2003. С. 240]. Болезнь проявлялась в виде опухоли ног немного выше копыта и, сильно увеличиваясь, лишала оленя возможности двигаться, гибель наступала через два-пять дней. Профилактику заболевания провести было невозможно, так как стада оленей были объединены и находились на удаленных летних пастбищах под охраной нескольких работников. Удаленность стад от мест проживания хозяев усугубляла ущерб еще и тем, что владельцы оленей не могли снять кожи с павших оленей и тем самым

вернуть «хотя бы часть расходов, понесенных ими при приобретении оленей» [Н. С., 1896]. Так, у ижемцев, проживавших в с. Саранпауль, из стада более чем в 5000 голов осталось только 400, т. е. при средней цене на оленя в 10 руб., ущерб составил около 46 тыс. руб. [Там же]. В 1899 г. некоторые оленеводы из с. Обдорск потеряли от копытки до 15 % стада, но такая потеря считалась обычной нормой [Внутренние известия, 1899].

Известно, что в начале XX в. многие оленеводы в пределах Куноватской волости также лишились своих оленей вследствие эпизоотии [Козлов, 1903. С. 344]. В низовьях Оби в 1903–1904 г. погибло около 13 000 животных [Туров, 2003. С. 240]. Большой падеж оленей был в 1911 и 1915 г. Ветеринарная экспедиция, командированная МВД в 1913 г. на Ямал, установила, что причиной падежа было распространение сибирской язвы [ГУТОГАТ. Ф. 152. Оп. 40. Д. 341. Л. 31об.]. По мнению Б. М. Житкова, действенной мерой против эпизоотий могли бы стать прививки антракса, в начале XX в. подобные опыты проводились в Архангельской губернии [Житков, 1913. С. 291].

При отсутствии ветеринарной помощи лечением оленей (а порой и оленеводов) занимались знахари *полонтурун*. В арсенале народной ветеринарии было использование трав и корней, для защиты от ящура оленей загоняли в воду [ГМА, Березовский район, 1991]. При потере оленей в случае эпизоотий у коми-ижмцев действовал обычай взаимопомощи, и пострадавшему помогали, выделяя оленей [Конаков, Котов, 1991. С. 39–40].

Производственная терминология в оленеводстве ижемцев формировалась на территории Печорского края, этот процесс шел параллельно с развитием оленеводческого хозяйства. В терминологии имелись как заимствованные ненецкие слова, так и имеющие коми происхождение, полученные путем переноса по смежности терминов животноводства [Лыткин, Гуляев, 1970; Прошева, Безносикова, 1990]. В конце XIX — начале XX в. у зауральских коми оленья стадо состояло из племенных самцов (*көр*), кастрированных ездовых быков (*бык*), самок (*важенка*), яловых важенок (*хаптарка*) и телят разных возрастов: до 1 года (*теля*, теленок-самец — *хорателя*), бычок или родившая первого теленка самка до 2 лет назывались *нялуку*, *нямнюку*, телки, родившие первого теленка, — *сырицы*, самец четырех лет назывался *нэльяра* («четвертая осень»), пяти лет — *витарахора* («пятая осень быка») [ГМА, Березовский район, 1991].

В названиях частей тела оленя преобладала коми терминология: рога оленя назывались *сюр*, голова — *юр*, копыта — *кок* (или *гыж/чыж*), ноги — *кок*, ляжка — *торьяль*, грудь — *морёс*, шея — *сьыли*, хвост — *бёж*, спина — *сирич*, глаза — *син*, рот — *вом*, уши — *пель*, нос — *ныр*, язык — *кыв*, сердце — *сьёлём*, легкие — *ты*, печень — *мус*, желудок — *брущина*, почки — *вёрк*, семенники — *кольк* [Там же]. Различались горно-лесные и тундровые олени, у них выделялось несколько мастей: белый (*еджыд*), черный (*сьёд*), красный (*эёрд*), пестрый (*серёдны* или *самородка*), серый (*сера*) [Там же].

Навыки ухода за оленями у ижемцев прививались с детства [ГМА, Березовский район, 1991]. Дети 10–14 лет могли править нартой и везти за собой возы с вещами, с 14 лет ребенок считался почти работником [Воропай, 1901а. С. 107]. Одежда оленеводов зависела от сезона. Летом носили суконные малицы и обувь из коровьей кожи до щиколотки (*глян*), зимой — меховые малицы с пришитыми к ним рукавицами из оленьей шкуры, обувью служили меховые *тобаки* с вложенными в них чулками с шерстяной головкой и меховым верхом (*чужи*) [ГМА, Березовский район, 1991]. Обязательным атрибутом одежды оленеводов был пояс *тасма*, который обычно делали из сыромятной кожи [Там же]. Основным орудием пастухов служил аркан (*няртла*), плетенный из четырех полос оленьей кожи длиной до 38,5 м (18 саженей). Аркан затягивался с помощью костяного блока с двумя отверстиями, через одно из них свободно проходила петля [Там же].

В оленеводстве ижемцев отмечались зачатки селекционной работы: одни из них разводили оленей для получения шкур, мяса и т. п., другие же занимались извозом, разводя специально «возовых» оленей [Дунин-Горкавич, 1996. С. 113]. Поэтому в хозяйствах, где существовала мясо-шкурная специализация, в стадах преобладали самки-важенки, к примеру, в низовьях Оби в конце XIX в. при стаде держали одного быка на 50 и более важенок [Воропай, 1901б. С. 71]. При транспортной специализации соотношение быков и важенок менялось, так, у ляпинских коми-ижмцев на одного быка-производителя приходилось 15 важенок [ГМА, Березовский район, 1991].

В Березовском округе олени использовались в качестве основных транспортных животных. В этнографической литературе освещены оленеводческий инвентарь, нарты и упряжь, особенности их изготовления и использования у ижемцев [Белицер, 1958. С. 142–144; Козьмин, 1990. С. 77–80; Конаков, Котов, 1991. С. 137–139; Народы Поволжья и Приуралья..., 2000. С. 114–116]. На оленях ездили круглый год, зимой запрягали трех оленей, весной, когда снег становился мокрым, — четыре-пять, летом могли запрягать до семи [ГМА, Березовский район, 1991; Конаков, Котов, 1991. С. 138]. На оленьей упряжке возили грузы до 500 кг, на них можно было проехать более 200 км в сутки без остановок для питания животных [Воропай, 1900в. С. 122; Козлов, 1903. С. 344]. Из Березова до Обдорска добирались на оленях в течение трех-четырёх дней. В середине XIX в. в зимнее время за провоз товаров от Березова до Обдорска приходилось платить от 40 до 50 коп. с пуда [ГУТОГАТ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 638. Л. 14об.]. Коми-зыряне привозили и увозили кладь на собственных оленях, укладывая по 10–12 пудов на пару оленей, следовательно, провозной платы у них не было [Там же. Л. 15об.–16]. В качестве упряжных животных использовали только кастрированных оленей (*хапт*, *менурай*) и яловых важенок (*хаптарка*) [ГМА, Березовский район, 1991]. Олени в упряжке назывались *нимтёмкөр* (т. е. «олени без имени»). Для приучения к упряжке оленям надевали на шею шейные колодки, на Казыме надевали также ножные колодки [Козьмин, 1990. С. 77].

Транспортом для оленьей упряжки служили косокопыльные нарты (*додь*), которые изготавливали из дерева: полозья — из ели, копылья — из ели или березы [Конаков, Котов, 1991. С. 137]. Нарты подразделялись на грузовые и ездовые мужские и женские. Грузовые нарты отличались от легковых меньшим количеством копыльев (две — четыре пары), большей прочностью и массивностью [Там же. С. 138]. В хозяйстве оленеводов было четыре-пять грузовых нарт, одни из которых предназначались для перевозки грузов (*вандей*), другие — для перевозки чума (*утыча*), остальные были необходимы для хранения вещей. Кузов нарты для перевозки грузов огораживался с четырех сторон в виде открытого ящика; нарты для перевозки чума делали без площадки и с большим количеством перекладин; были еще нарты с сундуком, где хранились более ценные вещи [Воропай, 1900в. С. 117]. При переезде мужчины держали хорей в левой руке, вожжу — в правой и стояли одной ногой на полозе нарты с левой стороны [Бартенев, 1998. С. 137]. Погоняли упряжку колющими ударами шеста (*хорей*), который имел длину в пять-шесть и более аршин [Житков, 1913. С. 275]. При переезде в караване (*аргиш*) спереди и сзади ставили нарты с мужчинами, в центре — с детьми и женщинами [ПМА, Березовский район, 1991; Шурышкарский район, 1992]. Дети с 10 лет могли ездить на отдельных нартах и править сами [Воропай, 1900в. С. 117].

В. А. Козьмин отмечает сходные черты оленьего транспорта ижемцев и ненцев и выделяет специфические особенности, внесенные коми: использование сыромятной кожи и металла для деталей упряжи, дополнение женской нарты коробчатым кузовом, перенесение некоторых терминов, характерных для ручной нарты коми охотников, на олений транспорт [Козьмин, 1990. С. 77–80].

Разведение оленей с целью получения мяса и шкуры связано с тем, что оленеводство у коми-ижемцев имело товарный характер. Известно, что во второй половине XIX — начале XX в. ижемцы были основными поставщиками оленины на Обдорской ярмарке. В 1890-х гг. ежегодно привозилось в Обдорск от трех до пяти тысяч оленьих туш весом от 7 до 12 тыс. пудов, почти все это мясо давали олени стада кочующих здесь ижемцев, ненцы же привозили всего туш 30–50 в год, мясо их было не так жирно, как у ижемских оленей [Бартенев, 1998. С. 136, 193; Дунин-Горкавич, 1995. С. 123]. Ненцы сами покупали мясо у коми, так как оно было «несравненно высшего качества» [Источники по этнографии..., 1987. С. 99]. Кроме свежемороженого мяса на внутренний рынок от ижемцев поступала соленая оленина [Дунин-Горкавич, 1995. С. 123]. Большая часть продукции летнего забоя («выростка» и соленого мяса) доставлялась по воде сразу же на Печору [ГУТОГАТ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 638. Л. 16об.].

В середине 1890-х гг. коми-ижемцы с Ижмы прибывали на ярмарку главным образом для покупки оленьих шкур [Обдорская ярмарка, 1895]. На рынок доставлялось огромное количество шкур разных сортов: *пешки* (шкурка новорожденного теленка оленя), *неплюи* (шкурка пятимесячного теленка), *постели* (шкура взрослого оленя), из которых выделялись осенние (короткошерстные) и зимние (длинношерстные), *камус* (шкура с оленьих ног) и *лбы* [ГУТОГАТ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 638. Л. 231].

В 1895 г. оленьих шкур куплено и увезено за Урал до 6000 штук, их продавали по 1 руб. 30 коп. — 1 руб. 50 коп.; цена была очень высокой, поэтому тобольские купцы не смогли купить ни одной партии оленьих шкур [Обдорская ярмарка, 1895]. Повышение цен на оленьи шкуры, вероятно, было следствием сильного падежа оленей в результате копытной болезни в Приуральской тундре в 1895–1896 гг. [Н. С., 1896]. В конце XIX — начале XX в. коми-ижемцы переправляли после Обдорской ярмарки до 5–7 тыс. оленьих шкур (неплюи и постель), закупленных у самоедов [Дунин-Горкавич, 1995. С. 122].

В начале XX в. в с. Мужы оленьи шкуры продавали по разным ценам, в зависимости от качества: неплюи, т. е. хорошую, черную, средней шерсти кожу — по 3–4 руб., толстую оленину — по 1 руб. 30 коп. и по 2 руб., пешку или телятину оленю — по 1 руб. 60 коп. и дешевле, стоимость зависела от цвета шкуры, черная считалась более дорогой. Мясо обычно продавали тушей, а не пудом: за телячью тушу в 2,5 пуда брали от 2 руб. до 2 руб. 50 коп., а туша быка продавалась по 5–7 руб. [Козлов, 1903. С. 342; Скалозубов, 1998. С. 373].

В целом ижемское оленеводческое хозяйство в конце XIX — начале XX в. могло получать чистый доход от стада в 500 голов около 400 рублей (т. е. по 80 коп. с каждого оленя) ежегодно, расходы составляли около 100 рублей и были связаны с арендой пастбищных угодий и выпасом оленей [Дунин-Горкавич, 1996. С. 114].

Коми-ижемцы старались увеличить число принадлежавших им оленей, извлекали возможные выгоды и разумно пользовались как оленями, так и продуктами оленеводства, в отличие от ненцев, которые не стремились получить от своего стада денежную выгоду и «требовали от оленя только одного — чтобы он давал им самое необходимое для их непривлекательной жизни, т. е. пищу и одежду» [Дунин-Горкавич, 1996. С. 114]. Нежелание остяков и самоедов продавать своих оленей иллюстрирует разговор березовского уездного исправника В. Тарасова, участника ветеринарной экспедиции на Ямал, с ненцем Окатэтто о правильном ведении оленеводства и эксплуатации: «Я спросил, почему они так же, как зыряне, не убивают оленей в сентябре месяце на мясо. Продавая мясо, шкуры в Обдорске, они бы имели хороший доход. На это получил от Окатэтто ответ: зачем нам много денег, много денег нам не надо, их никто не видит и легко можно потерять, а еще легче пропить, оленей же все видят и знают, что я богат» [ГУТОГАТ. Ф. 152. Оп. 40. Д. 341. Л. 27–27об.].

В 1908 г. Б. М. Житков также отмечал существенную разницу между оленеводством коми-ижемцев и ненцев: «...самоед прежде всего любитель оленя, что называется “охотник”, а зыряне относятся к своим стадам более практично, “стремятся извлекать из своих стад возможно больший доход и превращать

излишний прирост стад в деньги” [Житков, 1913. С. 258]. У коми было более утилитарное отношение к оленям, что выражалось в качественном отборе животных для забоя (молодняк для меха, взрослых для шкуры и мяса), в полном транспортном использовании оленей, в том числе и для перевозки товаров. Это давало широкие возможности для развития зырянского оленеводства в Березовском крае и позволяло избежать полного упадка хозяйства при эпизоотиях, вызывающих катастрофические падежи.

Таким образом, в экономике коми-ижемцев Северного Зауралья оленеводство имело доминирующее значение, коми переселенцы смогли приспособить к новым условиям традиционную систему ведения оленеводческого хозяйства. Кочевья ижемцев охватывали широкую территорию, хотя основное поголовье оленей базировалось в районе между Уральскими горами и левобережьем Оби. Оленеводство ижемцев имело товарный характер, его развитие определялось постоянной рационализацией технологических приемов.

ЛИТЕРАТУРА

- Алквист А. Среди хантов и манси. Путевые записи и этнографические заметки. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. 179 с.
- Абрамов Н. А. Описание Березовского края. Шадринск, 1993. 84 с.
- Бартеев В. В. На крайнем Северо-Западе Сибири. Очерки Обдорского края // Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX — начала XX в. Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1998. С. 114—217.
- Белицер В. Н. Очерки по этнографии народов коми XIX — начала XX века. М., 1958. 395 с.
- Внутренние известия // Сибирский листок. 1897. № 6 (19 янв.). С. 2.
- Внутренние известия. Обдорск // Сибирский листок. 1899. № 96 (5 дек.). С. 3.
- Воропай И. М. От реки Оби до Северного океана // Природа и охота. 1900а. № 1. С. 10—34.
- Воропай И. М. По Оби до Северного океана и обратно через Большеземельскую тундру // Природа и охота. 1900б. № 8. С. 143—154.
- Воропай И. М. По Оби до Северного океана и обратно через Большеземельскую тундру // Природа и охота. 1900в. № 9. С. 112—124.
- Воропай И. М. По Оби до Северного океана и обратно через Большеземельскую тундру // Природа и охота. 1901а. № 5. С. 103—121.
- Воропай И. М. Тундра и ее обитатели // Природа и охота. 1901б. № 7. С. 69—78.
- Гондатти Н. Л. Предварительный отчет о поездке в Северо-Западную Сибирь // Лукич. 2000. Ч. 4. С. 96—144.
- Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. Т. 1. Общий обзор страны, ее естественных богатств и промышленной деятельности населения. М.: Либерия, 1995. 376 с.
- Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. Т. 2. Географическое и статистико-экономическое описание страны по отдельным географическим районам. М.: Либерия, 1996. 432 с.
- Жеребцов Л. Н. Этнические и культурно-исторические связи коми с финно-уграми и самодийцами. Серия препринтов «Научные доклады». Вып. 14. Сыктывкар, 1974. 44 с.
- Жеребцов Л. Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами (X — начало XIX в.). М.: Наука, 1982. 224 с.
- Жеребцов И. Л. Коми край в XVIII — середине XIX века: территория и население. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1998. 176 с.
- Житков Б. М. Полуостров Ямал // Зап. ИРГО по общей географии. СПб., 1913. Т. 49. 349 с.
- Иславин В. Самоеды в домашнем и семейном быту. СПб., 1847. 142 с.
- Истомин М. Ижма // Архангельский сборник, или Материалы для подробного описания Архангельской губернии. Ч. 1, кн. 2. Архангельск, 1865. С. 132—140.
- Истомин К. В. Система тундрового оленеводства коми-ижемцев как продукт соадаптации человека и северного оленя // Северный археологический конгресс: Тез. докл., 9—14 сент. 2002 г. Ханты-Мансийск. Екатеринбург: Академкнига, 2002. С. 286—288.
- Источники по этнографии Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. 284 с.
- Кастрен М. А. Сочинения в двух томах: Т. 1. Лапландия. Карелия. Россия. Тюмень: Ю. Мандрика, 1999. 256 с.
- Козлов З. Описание прихода с. Мужы Березовского уезда Тобольской губернии // Тобольские епархиальные ведомости. 1903. № 14. С. 73—88.
- Козьмин В. А. Оленеводство коми-ижемцев в Западной Сибири // Антропология и историческая этнография Сибири. Омск: Омск. ун-т, 1990. С. 73—88.
- Конаков Н. Д., Котов О. В. Этноареальные группы коми: Формирование и современное этнокультурное состояние. М.: Наука, 1991. 232 с.
- Лашук Л. П. Формирование народности коми. М., 1972. 290 с.
- Лелехин И. И. Продолжение дневных записок путешествия. СПб., 1814. Ч. 4. 404 с.
- Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. М.: Наука, 1970. 388 с.
- Мартынова Е. П. Очерки истории и культуры хантов. М.: Изд-во ИЭА РАН, 1998. 236 с.
- Михайлов А. Внутренние известия. Саранпауль // Сибирский листок. 1898. № 3 (8 янв.). С. 2.
- Народы Поволжья и Приуралья. Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты. М., 2000. 579 с.
- Н. С. Копытная болезнь оленей // Сибирский листок. 1896. № 54 (14 июля). С. 2.
- Обдорская ярмарка // Сибирский листок. 1895. № 15 (23 фев.). С. 2—3.
- Патканов С. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев // Зап. ИРГО. СПб., 1911. Том 11, вып. 2. 432 с.
- Повод Н. А. Начальный этап освоения коми-ижемцами территории Северного Зауралья по данным метрических книг церкви Березовского округа (конец 1830-х — начало 1860-х гг.) // ВФФЭ. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2002. С. 174—183.
- Повод Н. А. Динамика поселенческой структуры коми-ижемцев Северного Зауралья (середина XIX — начало XX в.) // Словоцковские чтения-2003: Материалы докл. и сообщ. XV Всерос. науч.-практ. краевед. конф. Тюмень: Изд-во Тюм. ун-та, 2003. С. 119—121.
- Помишин С. Б. Происхождение оленеводства и domestикация северного оленя. М.: Наука, 1990. 141 с.
- Прошева З. А., Безносикова А. А. Русско-коми и коми-русский словарь. Сыктывкар: Коми кн. изд-во. 1990. 352 с.
- Скалозубов Н. Л. Дневник // Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX — начала XX века. Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1998. С. 359—390.
- Соловьев В. В. Семейный строй коми-ижемцев в XVIII — середине XIX в. (по материалам ревизских сказок) // Материалы VI Междунар. конгр. финно-угров. М.: Наука, 1989. Т. 1.
- Старцев Г. А. О зауральских зырянах // Коми Му — зырянский край. Сыктывкар, 1926. № 1—2. С. 46—50.
- Туров С. В. К вопросу о роли коми-зырян ижемской группы в заселении и хозяйственном освоении тундровой зоны Северного Зауралья (первая половина XIX — 20-е гг. XX в.) // Угры. Материалы VI Сибирского симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9—11 дек. 2003 г., Тобольск). Тобольск, 2003. С. 236—243.
- Хомич Л. В. Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. Л., 1976. 190 с.
- Хомич Л. В. Об иноэтнических элементах в традиционной культуре ненцев // Этнокультурные контакты народов Сибири. Л., 1984. С. 14—29.
- Хомич Л. В. Культурные традиции в трудовой деятельности и материальной культуре оленеводов севера Западной Сибири // Культурные традиции народов Сибири. Л.: Наука, 1986. С. 12—41.
- Юрьев Д. Топографическое описание Северного Урала и рек его обоих склонов // Записки ИРГО. СПб., 1852. Кн. 4. С. 265—382.
- Ямал — знакомый и неизвестный. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1995. 240 с.
- Источники**
- Арефьев С. П. Растительный и животный мир. Оценка экологического риска. Отчет ИПОС СО РАН о выполнении научно-исследовательских работ по заказу № 6862-Н «Обустройство Ростовцевского месторождения. Оценка объектов воздействия на окружающую среду (ОВОС). Растительный и животный мир — социальная среда. Оценка экологического риска». Рукопись. Тюмень, 2001.
- ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 42.

ГУТОГАТ. Ф. 152. Оп. 40. Д. 341.
ГУТОГАТ. Ф. 156. Оп. 25. Д. 391. Л. 10–10об.
ГУТОГАТ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 638.
ГУТОГАТ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 27.
ГУТОГАТ. Ф. 695. Оп. 1. Д. 107.

Тюмень, ИПОС СО РАН

Статья посвящена характеристике различных сторон одной из важнейших отраслей хозяйства ижемской группы коми на территории Северного Зауралья - оленеводства. На основе анализа обширного комплекса опубликованных и архивных письменных источников, вещественных материалов и данных полевых исследований рассмотрены факторы переселенческих процессов коми-ижмцев в Березовский округ (уезд) Тобольской губернии, условия аренды пастбищных угодий у коренного населения, приоритетная территория выпаса оленей, динамика численности поголовья оленьих стад в целом по округу и в рамках семьи, особенности производственного цикла и терминология, наиболее крупные эпизоотии и способы борьбы с ними, развитие хозяйственной специализации и селекционной работы, доходы от реализации продукции оленеводства.

В экономике коми-ижмцев Северного Зауралья оленеводство имело доминирующее значение, коми переселенцы смогли приспособить к новым условиям традиционную систему ведения оленеводческого хозяйства. Кочевья ижмцев охватывали широкую территорию, хотя основное поголовье оленей базировалось в районе между Уральскими горами и левобережьем Оби. Оленеводство ижмцев имело товарный характер, его развитие определялось постоянной рационализацией технологических приемов. У коми было более утилитарное отношение к оленям, что выражалось в качественном отборе животных для забоя (молодняк для меха, взрослых для шкуры и мяса), в более полном транспортном использовании оленей, в том числе и для перевозки товаров. Это давало широкие возможности для развития коми-зырянского оленеводства в Березовском крае и позволяло избегать полного упадка хозяйства при эпизоотиях, вызывающих катастрофические падежи.